

Размышления о научной эмиграции или Никто нам не поможет, кроме нас самих

Генрих Эрлих

ГЕНРИХ ВЛАДИМИРОВИЧ ЭРЛИХ — доктор химических наук, ответственный секретарь Российского химического журнала.

Яркая и аргументированная статья М.Г. Гольдфельда, посвященная болезненной и неоднозначной теме научной эмиграции, вызвала дискуссию среди членов редакционной коллегии, а во мне так и вовсе пробудила изрядно подзабытый полемический задор и желание высказать некоторые *собственные* соображения по этому вопросу. К сожалению, недостаток времени (всего пять дней от получения статьи до верстки номера) не позволил насытить ответ ссылками и другим фактическим материалом и уж тем более провести опрос, аналогичный опросу эмигрантов, проведенному М.Г. Гольдфельдом, так что ответ будет поневоле эмоциональный. Однако, большинству читателей нашего журнала обсуждаемые вопросы знакомы не понаслышке, и они сами с легкостью подберут примеры как в подтверждение, так и в опровержение тезисов автора.

Но вначале два небольших замечания, чтобы сразу расставить все точки над *i*.

Первое. Я с величайшим уважением отношусь к Михаилу Георгиевичу Гольдфельду, блестящему ученому и человеку высочайшей культуры. Ученик Л.А. Блюменфельда, работая в СССР, он выполнил основополагающие фундаментальные исследования механизма электронного транспорта в системах фотосинтеза растений (невзирая на ограниченность контактов с западными коллегами, на отсутствие не то что зарубежных стажировок, но даже просто поездок в западные страны, и на прочие «ужасы тоталитарного строя»). Не менее значим его вклад в систему образования и профессиональной ориентации молодежи. На протяжении долгих лет М.Г. Гольдфельд участвовал в организации и проведении химических олимпиад школьников и летних школ юного химика (именно там, 37 лет назад — страшно подумать! — автор впервые познакомился с ним); как венец, уже на излете СССР, Михаил Георгиевич участвовал в создании Высшего химического колледжа Академии наук. И за долгие годы жизни в США М.Г. Гольдфельд в полной мере соответствовал тому идеальному образу представителя российской научной диаспоры, который он нарисовал в своей статье: незабвение русской культуры и языка, широкие контакты с соотечественниками, всяческая помощь отъезжающим, приезжающим и оставшимся на многострадальной Родине, интерес к внутренней жизни России. Но, боюсь, все это сыграло с ним злую шутку. При всем стремлении к объективной оценке реальности, все мы невольно меряем жизнь по себе и своему ближайшему окружению, вот и Михаил Георгиевич оценивает достижения, устремления и мироощущение диаспоры по *себе подобным*. Понять же ситуацию в России, глядя из США, как

мне представляется, вообще невозможно. Россия 1992 года, когда М.Г. Гольдфельд уезжал из страны, и Россия 2007 года — это две разные страны. Рассказы эмигрантов по определению тенденциозны и обличительны, впрочем, их содержательная часть мало изменилась со времен Тютчева или начала XX века. Западные средства массовой информации говорят что-то положительное о России крайне редко. Есть, правда, еще всеведущий и необъятный Интернет. Но информация из него получается еще более необъективной, потому что все мы обращаемся к нескольким, отобранному методом проб и ошибок сайтам, близким лично нам по уровню и духу. Основываясь на тональности и оборотах некоторых пассажей из статьи М.Г. Гольдфельда, позволю себе предположить, что информация исходит из сайтов, относящихся к так называемой «демшизе», и мало чем отличается от публикаций в западных средствах массовой информации. Говорю это не в укор, мы в России за 15 лет немного приобщились к демократическим ценностям и научились уважать мнение *меньшинства*.

Второе. Торжественно заявляю, что не являюсь убежденным противником научной эмиграции, более того раньше, преимущественно в первой половине 90-х, поддерживал такое решение моих коллег и друзей: вали! С другой стороны, я противник любых мер искусственного сдерживания научной эмиграции, ограничительных или запретительных. Каждый сам творец своей судьбы. Но признавая за конкретным индивидуумом право на свободный выбор, я оставляю себе право относиться к явлению в целом как к трагедии для России, не катастрофе, но трагедии. Перейдем теперь собственно к статье М.Г. Гольдфельда, стараясь не выходить за рамки поднятых в ней вопросов.

Название

По поводу названия можно написать отдельное эссе. Исход науки из России... Исходят все же ученые. Но без ученых не может быть науки, не может быть системы воспроизводства научных кадров, так что... Но чем же питается этот неослабевающий поток? Бесконечный спор.

Множество ассоциаций навеивает и вторая половина названия: есть ли свет в конце туннеля? Начиная с простейшей, что российская наука на ладан дышит.

Но ведь статья не об этом. Правильнее было бы назвать ее: «Исход ученых из России: зло или благо?» Или честнее: «Исход ученых — благо для России». Потому что весь пафос, вся аргументация, все доводы pro et contra группируются вокруг этого наперед заданного вывода.

Почему едут?

Нельзя не согласиться с тем, что «причины эмиграции общеизвестны и лежат на поверхности. Их можно сгруппировать в две категории: лично-материальные и, условно говоря, «организационные». К последним относятся и все инфраструктурные, иерархические, информационные, психологические и иные болезни российской науки.» Сознательно или невольно М.Г. Гольдфельд перенес центр тяжести на вторую группу: «Представляется, однако, что все эти материальные проблемы как будто поддаются решению уже сейчас или в обозримом будущем.» Спорный тезис. Как бы то ни было, количественные оценки здесь вряд ли возможно получить, для этого нужны абсолютно честные ответы большого числа респондентов, а советские люди (все мы родом из СССР) как-то стесняются выставлять вперед материальные мотивы, предпочитая высокоидейные побуждения: продолжение начатых исследований, повышение профессионального уровня, желание заниматься наукой и только наукой. Истинно «идейных» немало, они были и в СССР, вырывались всеми правдами и неправдами на Запад, их клеймили отщепенцами, но коллеги между собой понимающе шутили: за Нобелем поехал. С началом «перестройки» этот поток многократно увеличился за счет «праведных» способов. Люди ехали в конкретные лаборатории и университеты заниматься определенной тематикой, на должности, соответствующие их статусу и квалификации — дай им Бог! Но таких было меньшинство, а большинство, смею утверждать, ехало *куда-нибудь* и двигали ими материальные соображения (ни грана осуждения, простая констатация). В самом начале 90-х выпускники многих вузов и, в частности, родного Химфака МГУ, уезжали целыми курсами, так что традиционные встречи выпускников проводятся сейчас в США. Потом немного опаматовали, сообразили, что надо ехать не просто в Америку, в первый попавшийся, согласившийся принять их заштатный университет, а в сколько-нибудь приличное место, дающее возможность профессионального и карьерного роста. Но ведь помимо США есть еще Антигуа и Барбадос, Бенин, «в последнее время повысился интерес к российским ученым в Парагвае, Венесуэле». Не думаю, что в этих странах условия для занятий наукой лучше, чем в России, да и по части доходов... Но ведь в США, странах Западной Европы и других развитых странах за ту же работу ученым платят намного больше, чем в России, прервете вы меня, уже соглашаясь с тем, что дело в зарплате. Да, больше, но там и сантехникам платят больше, приблизительно в той же пропорции. Так давайте признаем желательность и необходимость эмиграции русских сантехников на Запад и благотворность ее для России. Аргументы будут чрезвычайно похожи. Они там наберутся опыта, повысят свой профессиональный уровень, а «когда в России созреют благоприятные условия», то есть когда кто-то проложит новые коммуникации и построит благоустроенные бытовки, тогда они, конечно, вернуться, и с радостью установят всем трудящимся новые краны и биде. Шутки шутками, но призрак польского сантехника два года назад похоронил Европейскую конституцию. Русский сантехник похоронит самую Европу. Жалко Европу, или все же рискнем ради торжества либеральных ценностей и дальнейшего развития демократического процесса?

Ученые — люди по большей части аполитичные, поэтому, как отмечает автор, анализируя результаты анкетирования, для эмиграции «собственно политические мотивы, по-видимому, в меньшей степени важны.» И тут же, не удержавшись: «Тем не менее, в некоторых ответах выражена озабоченность общим вектором политической эволюции России: ограничение демократии, пренебрежение к личным правам и свободам, отход от идеологии общечеловеческих ценностей, нестабильность политического режима, неуважение к закону, конфронтационные тенденции в отношениях с Западом, нездоровый национализм, выступающий под лозунгом российской самобытности, сползание к диктатуре охлократии.» Если бы кто-нибудь в подобных выражениях объяснял мне причины своего настоятельного желания уехать из России, я бы про себя усомнился в адекватности собеседника, а вслух пожелал бы ему скорейшего отъезда, и без него у нас хватает сумасшедших, как в этом, так и в противоположном лагере.

Нельзя обойти вниманием еще одну причину эмиграции психологического характера, свойственную преимущественно молодому поколению ученых. Многие из них изначально запрограммированы на эмиграцию, они поступают в технические институты или на естественно-научные факультеты университетов с уже готовым планом уехать после окончания, как менее продвинутое в умственном плане, но физически крепкие, идут в хоккейные школы, видя в перспективе клуб НХЛ. Можно только гадать, откуда берутся подобные идеи в головах молодых людей, приезжающих из глухой провинции на учебу, например, в Москву. А там никто не пытается отратить их от этой идеи, скорее даже наоборот. Вот рассказ М.Г. Гольдфельда о его деятельности в Высшем химическом колледже Академии наук (тогда еще СССР): «В частности, мы ясно давали понять поступающим в Колледж, что будет сделано все возможное для того, чтобы наши студенты были готовы к взаимодействию с зарубежными коллегами, и что возможность такого взаимодействия будет им предоставлена. Было усилено и реформировано преподавание английского языка, приглашались англоязычные лекторы, были установлены тесные связи с иностранными, главным образом, американскими университетами, а главное — огромные усилия были затрачены, чтобы обеспечить нашим студентам возможность стажироваться в научно-образовательных центрах за рубежом.» Да при такой обработке все уедут, последние из стадного чувства, чтобы не быть хуже других, чтобы не ощущать себя неудачником, ведь в России остаются только бездари да пентюхи, одно слово — лузеры.

В этом пункте сошлись праведный гнев М.Г. Гольдфельда на закоснелых администраторов Академии наук, не желающих понимать благотворность такого результата для Академии наук в частности, и России в целом, и «праведный гнев государственныхников, направленный, прежде всего, на самих эмигрантов, обвиняемых в недостатке патриотизма, в крайнем случае, на недостатки в «воспитании» научных кадров — перепев советских идеологических мотивов». Последнее особенно странно в устах М.Г. Гольдфельда, который долгие годы имел дело с молодежью и прекрасно понимает, что молодежь надо

не только учить профессиональным навыкам, но и воспитывать. О, как он воспитывал нас, молодых, вместе с Б.М. Булычевым, Г.В. Лисичкиным, Ю.А. Устынюком*: «Наука — это святое! У вас в душе должен гореть неугасимый огонь! Вы должны неустанно работать! Вы должны неуклонно идти к поставленной цели, невзирая ни на что, на все трудности и лишения, в том числе материальные!» (Или вот цитата из анализируемой статьи: «Для тех, кто идет в науку, как и у людей других творческих специальностей, профессия должна быть делом жизни, если угодно — страстью, а не способом заработка.») Это что — не воспитание?! Не сомневаюсь, что и в Колледже он говорил то же самое, за исключением разве что слов о зарплате. Это сейчас не модно. Мамона — наш новый бог! Уж сколько лет старательно вдалбливают всем новые жизненные приоритеты: личный успех и материальное благосостояние. Противоречашье, кстати, традиционной русской, православной этике. При чем здесь русские ценности? Действительно, ни при чем. У нас сейчас ценности общемировые, сиречь западные, протестантские. В устах поборников этих ценностей патриотизм — слово ругательное. Естественно, русский патриотизм, потому что: «Америка, Америка», — поет слаженный хор, правая рука у сердца, обязательные слезы на глазах.

Вот и уезжают, из отсталой, бескультурной, дикой, бесперспективной России в развитые, процветающие США, Канаду, Западную Европу, Австралию, Сингапур, Южную Корею, Венесуэлу, Парагвай, Бенин, на крайний случай, в Буркина-Фасо (Верхнюю Вольту), в сущности, то же самое, что и Россия, только без ракет. И ведь язык не повернется осуждать их, молодых, за это. Их так *воспитали!*

Что имеют. Профессиональный и карьерный рост. Разрушение идиллии

Итак, почему уезжают, понятно. Не довольствуясь литературными данными и высказываниями с различных интернет-сайтов, М.Г. Гольдфельд провел собственный опрос. Рассылка пятисот анкет, обработка и осмысление полученных ответов — огромный труд, честь ему за это и хвала. Из-за большого объема статьи редколлегия была вынуждена изъять из нее текст самой анкеты, но, уверяю вас, вопросы анкеты составлены профессионально, без малейшей тенденциозности и подталкивания к определенному ответу. Мы также не сомневаемся в объективности результатов обработки ответов.

Перечень причин, побудивших респондентов покинуть Россию, чрезвычайно обширен, ничто не забыто. Перечень того сорта, когда все по отдельности правильно, а в целом и по сути — нет, не форменное издевательство, но беспросветный мрак. Ощущение беспросветности создается из-за того, что этот перечень никак не уравновешен, в огромной статье не нашлось места для нескольких добрых или хотя бы ободряющих слов о современной русской науке, равно как и о советской. Что ж, понятно, первая агонизиру-

ет, а вторая занимала почетное место «между Египтом и Нигерией.»**.

Обратимся к тому, что, согласно проведенному опросу, привлекает ученых на Западе. Перечень этот много короче и напоминает пятисекундный рекламный ролик для людей, определяющихся с жизненным выбором. Сократим его до трехсекундного. Ученых привлекает: «разумная и ясная организация научных исследований, отсутствие «второсортной» науки; адекватная квалификации оплата труда, ясные перспективы развития карьеры в академическом и индустриальном секторах, значительная свобода выбора практически на любом этапе развития научной карьеры, включая переходы между академическим и индустриальным секторами, из одного института, штата, страны — в другие и т.п.» Здесь каждый пункт вызывает протест, даже бесспорный первый, потому что идет он в контексте противопоставления многократно повторенному тезису о том, что организация научных исследований в России неразумна и неясна. То же и об отсутствии второсортной науки. Есть в США и второ- и третьесортная и даже лженаука, как и везде, и мы знаем об этом не понаслышке***. Свобода выбора была даже в СССР, что уж говорить о современной России. Тем, кто не согласен, замечу, что свобода внутри человека, если человек обладает этой внутренней свободой, он найдет возможность реализовать свой выбор, а вот если не обладает, то он найдет тысячу причин для объяснения своего бездействия или покорного следования вместе с толпой по пути наименьшего сопротивления. (А гротос, заметная доля отъезжающих на Запад относится к последней категории.) В рекламируемой свободе выбора есть и обратная сторона. Она ограничена сроком и условиями действующего контракта, поступлением/непоступлением финансирования, но главное заключается том, что этот выбор зачастую оказывается вынужденным, многие реализуют свободу выбора не потому, что им этого так уж хочется, а потому что они поставлены перед необходимостью делать этот выбор. В США люди меняют все вышеперечисленное в среднем раз в 5—6 лет. Американцы вообще очень динамичный народ, но ведь жизнь по принципу «перекажи-поле» по душе далеко не всем. Есть люди и даже целые народы, для которых привычный круг общения, старые

** Чтобы как можно ниже опустить советскую науку был привлечен специальный критерий — отношение числа ссылок на статьи советских авторов к числу опубликованных ими статей. Раньше все прекрасно понимали условность индексов цитирования, особенно когда речь шла о статьях, написанных на неизвестном западным специалистам русском языке в малодоступных им советских научных журналах, да хоть бы и доступных! Интересно, что упоминавшиеся уже пионерские работы самого М.Г. Гольдфельда по механизму электронного транспорта, выполненные вместе с Л.А. Блюменфельдом, замалчивались (тогда это называлось именно так и вполне справедливо), а цитировались выполненные годы спустя работы американцев. Тогда М.Г. Гольдфельду было очень обидно, теперь обидно нам, за это «между Египтом и Нигерией».

*** При том что исследования эти, спору нет, проводятся на первоклассном оборудовании с запредельным по российским меркам финансированием — числа похожие, но там доллары (евро), а у нас рубли. Но ведь уровень науки определяется не уровнем оборудования и финансов, а уровнем идей, о чем многие, особенно молодые, забывают.

* И многими другими. Из плеяды подвижников я выбрал только часть членов редколлегии нашего журнала. Прошу непоименованных извинить меня. Мы вас не забыли.

друзья, родной дом, родители или родительские могилы важнее 5%-ной прибавки к жалованью или символического подъема по карьерной лестнице. Я знаю множество счастливых людей, проживших всю жизнь в одном городе и проработавших в одном учреждении или на одном предприятии. Некоторые усматривают в этом свидетельство лениности, безынициативности и рабской психологии русского народа. Это не так. Это просто другая шкала жизненных ценностей. К чему это приводит, мы обсудим чуть позднее, пока же обратимся к тезисам об адекватной квалификации оплате труда и ясным перспективам развития карьеры в академическом и индустриальном секторах.

Начнем с того, что успешную карьеру делают единицы. Да и что считать критерием успешной карьеры? Как следует из слов самого М.Г. Гольдфельда, это получение поста штатного профессора или заведующего лабораторией. Это уже — «небожители». Таких — единицы. Количество бывших российских профессоров и заведующих лабораториями среди уехавших, как минимум, на порядок, если не на два, больше. Все они опустились на одну или две ступени в карьерном отношении. И перспективы развития их карьеры абсолютно ясны — подавляющая часть не достигнет прежнего статуса. «При всех их отечественных степенях и регалиях чаще всего им приходилось в течение ряда лет работать в качестве постдоков в университетах, т.е. войти в состав научной группы, возглавляемой регулярным профессором, или быть сотрудником в исследовательской группе какой-либо компании под руководством специалиста, собственно научная квалификация которого может быть и менее высокой, чем у такого иностранного сотрудника. В таких позициях почти невозможно получить независимый грант на собственную программу» — это уже цитата из статьи М.Г. Гольдфельда. Отметим также, что при всех этих рассуждениях как-то стыдливо обходится вопрос о том, какие это университеты. Пусть в Америке нет второсортной науки, но уж точно есть второсортные и даже третьесортные университеты (которые, несомненно, лучше ведущих российских, но по американским меркам...). Так вот, попасть в лучшие американские университеты (например, Лиги Плюща), равно как и в исследовательские подразделения крупных компаний, практически невозможно, трудно даже в приличные и средние соответственно. Поэтому наши ученые вынуждены довольствоваться (по крайней мере вначале, а подавляющее большинство так и всегда) временными ставками приглашенного профессора в маленьких университетах, преподаванием в коммунальных колледжах и школах-интернатах, работой в качестве среднего научного сотрудника в федеральных исследовательских лабораториях и старшего исследователя в маленьких частных фирмах. Я отнюдь не повторяю этапы эмигрантского пути М.Г. Гольдфельда, это — типичнейшая ситуация.

О каком при этом повышении профессионального уровня может идти речь? О каких научных свершениях? А ведь это, если память мне не изменяет, выставляется одной из главных причин эмиграции. Да хорошо, если не деградируют! Байками о том, кого приходится учить и чем заниматься, забит Интернет, а уж сколько на кухне порассказали вернувшиеся!.. Но некоторым везет, некоторые попадают в приличные

места, продолжая начатые в России исследования, и что же? «В недавней дискуссии на обсуждаемую тему было отмечено, что для ученых, выезжающих за рубеж в зрелом возрасте, на пике исследовательской активности, при том что их материальное положение кардинально улучшается, переезд нередко приводит скорее к снижению, чем к повышению научной продуктивности. При сопоставлении индекса цитирования российских ученых в определенных областях физики и биологии оказалось, что те, кто остались в России, цитировались чаще, чем их коллеги — эмигранты.» (М.Г. Гольдфельд)

Все это, как справедливо замечено, относится к ученым, выезжающим в зрелом возрасте. Молодым, конечно, проще, они начинают с нижней ступени, а не втискиваются в середку сложившейся иерархической структуры, на них не давит груз старых амбиций, наоборот, молодые амбиции толкают их вверх, у них впереди больше лет и они легче адаптируются. Им приходится много работать, чтобы выдержать конкурентную борьбу с напористыми и трудолюбивыми китайцами и индийцами, но есть за что — через какое-то время они начинают получать оплату труда, адекватную квалификации. В отличие от ученых, уехавших в зрелом возрасте, которые в подавляющем большинстве *не получают* адекватной квалификации оплаты труда. Мой вывод основывается на уважительном отношении и очень высокой оценке научной квалификации советских и российских ученых, даже и бывших. Или я не прав, Михаил Георгиевич? И их место — у кафедр в коммунальном колледже? Ну, тогда, конечно, получают адекватно квалификации.

Еще один важнейший момент, который, как мне кажется, сознательно заретуширован — проблема социальной и психологической адаптации к жизни на Западе. Хотя, возможно, я и ошибаюсь, и опущен он неосознанно, потому что некоторые и представить себе не могут, что кому-то может не понравиться жизнь на Западе и они захотят вернуться на Родину. Поэтому и следуют в тексте статьи такие пассажи (курсив мой — Г.Э.): «Мне лично известны *некоторые* случаи возвращения в Россию тех российских кандидатов наук, кто работал в США по краткосрочному постдокторскому контракту. В тех *немногих* случаях, о которых я знаю, возвращающихся ожидала в России не столько научная, сколько неплохо оплачиваемая административная карьера, хотя и связанная с их образованием и квалификацией. Те люди из России, которые хотят вернуться по причинам эмоционального или личного характера, в некоторых случаях готовы на то, что по возвращении им придется оставить науку и зарабатывать на жизнь, например, консультированием частных фирм, или каким-либо иным способом, при котором их научная квалификация могла бы иметь определенное, но не решающее значение. Знаю *одного* такого «возвращенца»...» В общем, «если кто-то кое-где у нас порой», то у него либо нелады с головой или психикой, либо какие-то личные проблемы, либо светит доходное место.

Все не так. Случаи возвращения далеко не единичны. По моим собственным оценкам, подтвержденным мнением многочисленных коллег, не понаслышке знакомых с проблемой, доля вернувшихся из-за проблем с адаптацией составляет около 50%. И с головой

у них все в порядке, и с личной жизнью, с деньгами разве что туговато после возвращения, но возвращаются, потому что нет больше сил, потому что раздражает абсолютно все — работа, ее разумная и ясная организация, подчеркнута вежливые начальники, полнокорректные коллеги, даже ни в чем не повинные обыватели, как они едят, как и о чем говорят, как скалят зубы!

Скажите, что так не бывает или что явление это не может носить массовый характер? Позволю себе привести пример из нашего недавнего советского прошлого 70—80-х годов. Было множество людей, которые советскую власть на дух не переносили, до физической тошноты. Они не боролись против нее, они просто хотели уехать. И уезжали, бросая, именно бросая, все, квартиры, дачи, престижную или не очень престижную, но все же работу, уезжали практически голыми в неизвестность, без гарантий работы и крыши над головой, начиная все с нуля и в большинстве своем меняя профессию (химика-исследователя, например, на каменщика), а то и вовсе существуя годами на пособие. Людей этих было не сотни, не тысячи, а сотни тысяч, когда же в конце 80-х калитку открыли чуть пошире, счет пошел на миллионы. Самое удивительное, что свое желание уехать из СССР они объясняли практически теми же причинами, какими современные российские ученые мотивируют свой отъезд из России, официальные же власти объясняли их отъезд теми же самыми причинами, которые приводит М.Г. Гольдфельд для российских «возвращенцев», такие вот кренделя выписывает наше подсознание.

У проблемы трудности адаптации множество причин. Кратко остановимся на трех. Первая — дефицит общения. Зачастую (Израиль исключаем) наш ученый оказывается единственным русскоязычным в университете, институте, городке. Не с кем поговорить по душам, а мы это очень любим и ценим. Хорошо, если есть семья. Хотя, с другой стороны, сидящая целый день дома *безъязыкая* жена тоже не сахар, вечером слова найдутся. Вторая — отношения на работе. У них — команда, временное собрание людей для выполнения определенной задачи, только работа, ничего личного. *How are you? Fine!* И — к станку, оба. У нас — коллектив. Понимаю, что для некоторых это слово ругательное, такой же перепев советских идеологических штампов, как и «воспитание». Но *мы* привыкли работать и *жить* в коллективе. Третья — система руководства. Жесткая вертикаль, с четко определенными заданиями в рамках выполняемого проекта, шаг вправо, шаг влево — конверт в пятницу вечером. Мне неоднократно приходилось слышать следующее парадоксальное мнение: российская наука (как и советская, что суть одно и то же) демократична, западная (в плане руководства) — тоталитарна. Если собрать все высказывания из статьи М.Г. Гольдфельда, то система взаимоотношений (горизонтальных и особенно вертикальных) в российской науке выглядит ужасающе, без малейшего проблеска. По умолчанию американская система идеальна, разумна и ясна. Не будем вязаться в бесполезный спор о преимуществах и недостатках этих двух систем, просто признаем, что они *разные*, и *разные* люди могут по-разному к ним относиться.

Современным «возвращенцам» приходится, конечно, много легче, чем тем стародавним уже эмигран-

там, хотя они тоже жертвуют очень многим. Бросают все и уезжают. Неудержимо хочется домой... Возможно, это ностальгия, атавистическая болезнь, чуждая нашему, вступившему в век глобализации миру, болезнь, которой подвержены некоторые индивидуумы и даже целые народы, несомненно, отсталые. (Следуя обещанию не выбиваться за рамки статьи М.Г. Гольдфельда укажу здесь лишь на упомянутую им Софью Ковалевскую, у нее есть пронзительнейшие строки, написанные под влиянием этой самой болезни.)

Описанную категорию граждан М.Г. Гольдфельд просто не принимает во внимание, иначе он бы не ставил вопрос:

Вернутся ли они?

И дает на него честный ответ: нет, не вернутся. Согласны. Кроме того, мы с пониманием относимся к причинам, порождающим такую ситуацию. Так, некоторые мои знакомые, пересидевшие на Западе кризисные 90-е и захотевшие вернуться, вдруг обнаружили, что не могут это сделать из-за детей. Если дети школьного возраста, то ехать нельзя, потому что школьные программы и методики образования в России и на Западе настолько разнятся, что дети просто не смогут учиться в российской школе. Если дети вышли из школьного возраста, то почти наверняка поступили в университет, их еще тянуть и тянуть, да и потом как оставишь? А если еще внуки пойдут? Это американцы говорят выросшим детям *bye-bye*, а мы тянем и помогаем до пенсии и потом, насколько хватит сил. Это относится к людям, уехавшим в более или менее зрелом возрасте. Тех же, кто уехал сразу после окончания университета или аспирантуры и проработал на Западе лет 10—15, мысли о возвращении обычно вообще не посещают. Часть из них вступает в смешанные браки, и хотя эта часть не так уж мала, будем считать это исключением. Общим же является то, что молодые легче адаптируются и за эти годы, всю их взрослую жизнь, они насквозь пропитываются западным духом, в США они ощущают себя больше американцами, чем русскими. Это вполне естественный процесс, невозможно долго работать в стране (а если долго, то, значит, успешно), отвергая местные обычаи и пренебрегая местными ценностями. То же самое происходило с инородцами в России, всех так или иначе затрагивал процесс обрусения, недаром для западного человека все выходы из России (и некоторых других бывших республик СССР) — русские, независимо от истинной национальности. Когда же я вдруг встречаюсь с нашим бывшим дипломником, уехавшим 15 лет назад в Америку, я вижу перед собой истинного американца, который и по-русски-то говорит уже с акцентом. Ну куда такому возвращаться? Ладно бы еще страна была та же, что в дни его юности, так ведь нет, совсем другая страна. И уж тем более не вернутся дети эмигрантов, выросшие на Западе и получившие там образование. Хотя приехать работать в Россию они вполне могут, как *иностранные* специалисты по контракту.

Все это рубит на корню основополагающий тезис о том, что эмиграция ученых на Запад есть благо для России, поэтому М.Г. Гольдфельд несколько раз повторяет, в том числе ссылаясь на данные собственного опроса, что многие эмигранты «допускают в будущем

возможность возвращения для работы в России, *когда и если там возникнут более благоприятные возможности* для жизни и профессионального роста.» (курсив М.Г.) Сформулируем более четко: когда и если уровень жизни и условия для занятия наукой будут такими же, как на Западе. Даже не такими же, потому что придется менять шило на мыло, а на пару процентов получше. За 2% западник удувится. «2% — это уже деловой разговор! А что с подъемными?»

Условия эти, к нашему глубочайшему сожалению, недостижимы. Реализоваться они могут только в том случае, если Запад деградирует до нашего уровня. Но тут надежда только на глобальное потепление, когда их частью затопит, частью засушит, а у нас в Сибири будут ананасы расти. Догнать же Запад по всем требуемым эмигрантами параметрам Россия в принципе не может. Даже если ВВП в расчете на душу населения у нас будет такой же, как в США, то при том же уровне жизни ничего не останется на науку, средств, которые США инвестируют в науку, нам едва хватит на отопление, на поддержку менее эффективного из-за погодных условий сельского хозяйства и на поддержание транспортной инфраструктуры, весьма протяженной из-за российских масштабов. Финансировать же науку в западных объемах мы можем только за счет ущемления уровня жизни, а заодно и демократии, потому что же при демократии согласится жертвовать своим кровным ради непонятно чего. В общем, полный тупик, для эмигрантов, конечно.

Впрочем, в заключительной фразе статьи основополагающий вывод существенно модифицирован: «За пределами России они (ученые — Г.Э.) будут жить в нормальных условиях, сохранят научный потенциал, и в конце концов достижения научно-технического прогресса вернутся в Россию с Запада, как уже не раз бывало в истории.» Получается, что вернутся все же не ученые, а достижения? И почему — вернутся? И при чем здесь тогда российские ученые? Ведь наука, как неоднократно подчеркивает М.Г. Гольдфельд, укрепляет себя А.П. Чеховым, не имеет национальности. Китайцы и индийцы, работающие в американских университетах и фирмах, обеспечат этот самый прогресс не хуже наших и даже вовсе без них. Вот и пусть работают, дай им Бог!

Взгляд с российской стороны

Для затравки все же взгляд *оттуда*: «Собственные наблюдения и опыт коллег говорят о том, что в поколении, завершившем свое образование в 80-е годы, «мозги», оставшиеся в России, за небольшим исключением, либо пропали, прозябая в деградирующих научных учреждениях, без реальной возможности полноценной работы, либо ушли в другие области деятельности, далекие от науки и высоких технологий. Редким карьерным успехом считается выдвижение на научно-административный пост, особенно из тех, что сопряжены с распределением государственных средств, тогда как собственно научные достижения, особенно в экспериментальной науке, по сути дела недоступны при существующем положении дел.»

Ох, пропали мы, бедные и несчастные! Вот только одно не понятно. Советская наука была плохая, отсталая и неэффективная, опять же железный занавес, но советские ученые, к которым относится и

М.Г. Гольдфельд, были с превеликой охотой приняты на Западе. Потом начался постсоветский разор, о масштабах которого мы можем сказать поболее и по-резче, чем М.Г. Гольдфельд. «Не более 3—4 российских химических факультетов могли бы успешно пройти сертификацию... Американским химическим обществом» (вероятно, имеются в виду Московский, Санкт-Петербургский, Новосибирский и Казанский университеты, а как же химфаки университетов в Ростове, Иркутске, Уфе, Екатеринбурге, Воронеже, Нижнем Новгороде, Саратове, Владивостоке?). Но российские ученые по-прежнему востребованы на Западе (М.Г.: «Надо сказать, что и американские профессора, однажды встретившись с выпускниками ведущих российских вузов, с энтузиазмом продолжают рекрутировать русских молодых специалистов.») Но ведь эти молодые специалисты, окончившие в прошлом году университеты, в школу пошли уже в постсоветской России, они выросли, получили образование и научились работать в нищей, отсталой, разоренной, коррумпированной (прочие эпитеты см. в статье) России. Как такое может быть?! Очень просто: «мозги», оставшиеся в России, не пропали, прозябая в деградирующих научных учреждениях, они работают, они задарма (во всех смыслах) готовят специалистов для столь любимой эмигрантами и нежно лелеемой мировой науки. И худо-бедно занимаются экспериментальной наукой, потому что без этого невозможно ни специалистов подготовить, ни участвовать в международных научных проектах, ни денег заработать с помощью того же аутсорсинга, который, в противоположность утверждению М.Г. Гольдфельда, отнюдь не рассматривается в негативном ключе (вопли *некоторых* СМИ мы оставляем без внимания), а скорее даже поддерживается администрацией.

Также умиляют неоднократные сетования на то, что многие российские ученые «ушли в другие области деятельности, далекие от науки и высоких технологий». Да, российские ученые стояли, а молодые специалисты и сейчас встают перед тяжелым вынужденным выбором. Обеспечить достойный уровень жизни себе и семье, занимаясь наукой в России, в общем случае затруднительно. Приходится чем-то жертвовать из триады благосостояние — работа по специальности — Родина. Чем жертвовать, зависит от человека, тут вступает в силу право свободного выбора. Любому нормальному человеку свойственно минимизировать собственные жертвы, так что каждый жертвует наименее для него существенным. Одни остаются работать в российских университетах и научных институтах, снижая уровень своих бытовых запросов, другие уезжают на Запад, третьи меняют сферу деятельности, так обеспечивая себе сносное существование в России. Лично я с равным уважением отношусь ко всем этим трем категориям людей и к их свободному выбору. И не надо жалеть, тем более осуждать тех, кто ушел в бизнес, даже и далекий от науки и высоких технологий. Ведь Вы, Михаил Георгиевич, не осуждаете тех, кто уехал из СССР в 70—80-х годах, бросив навсегда научную работу? А ведь они также могли бы сохранить себя для мировой науки, немного подождав *более благоприятных условий*. Трудно представить, каким *благом* было бы для Запада, если бы в СССР *не разрешили* эмиграцию! Думаю также, что вы, Михаил

Георгиевич, не жалеете и не осуждаете тех российских ученых, которые, уехав на Запад, занялись там в результате бизнесом, далеким от науки и высоких технологий, да даже и не далеким, но все же бизнесом. Так чего о наших-то оставшихся кручиниться? Кроме того, «мозги» и в бизнесе нужны, хорошее образование во многих областях бизнеса большое подспорье, хотя в некоторых, конечно, большая помеха. Эти люди так или иначе способствуют возрождению России, развитию ее производительных сил и повышению не только личного, но и общественного благосостояния, что лично для меня, как и для подавляющего большинства жителей России имеет намного большее значение, чем развитие «мировой» науки.

Одна из главных бед отечественной науки, непосредственно вытекающая из описанного выше проклятого вынужденного выбора, это вымывание из науки среднего поколения. М.Г. Гольдфельд почему-то оценивает это как чрезвычайно положительное явление: «Если бы возможности исхода за рубеж не было, вся эта масса людей, теперь уже средних лет, заблокировала бы все вакансии и закрыла бы путь в науку молодежи. Сейчас среднее поколение в значительной мере вымыто из научной среды. По мере того как «деды» сходят со сцены, открываются привлекательные вакансии для молодых, так что сейчас люди, не достигшие 30 лет, в ряде случаев получают в российских институтах статус заведующих лабораториями». Ну, спасибо, благодетели!

Не совсем понятно, откуда вдруг всплыли «привлекательные» вакансии, если вся российская наука по описанию М.Г. Гольдфельда — гнилое болото. И если эти вакансии привлекательны для молодых, то почему они непривлекательны для людей среднего поколения, у которых жизненные требования отнюдь не выше, чем у молодых. Меня также нисколько не восхищает то, что люди, не достигшие 30-ти лет, становятся заведующими лабораториями. Они могут быть прекрасными учеными, но организационный и, что еще более важно, жизненный опыт приходит с годами, а без этого опыта, в том числе и горького, невозможно руководить работой коллектива.

Наука без среднего поколения много хуже общества без среднего класса. В резко поляризованном обществе элита воспроизводит себя, а в науке «деды, учащие внуков» уходят безвозвратно и без смены, потому что едва оперившиеся «внуки» не умеют, да и не хотят заниматься преподаванием. Распалась связь времен... Поэтому нам всем, в том числе и уехавшим, надо в ноги поклониться тем, кто остался в университетах и институтах, имея возможность уехать или уйти, потому что только они обеспечивают преемственность системы подготовки научных кадров и оставляют нам надежду на возрождение отечественной науки, именно они, а не те, кто уехал.

Я отнюдь не склонен объяснять кадровый голод отечественной науки исключительно эмиграцией, более того, убежден, что никакие ограничения и даже полный запрет эмиграции не изменят ситуацию принципиально. Число людей, покинувших науку из-за материальных проблем, намного превышает число уехавших. И бесполезно спорить о том, кто из них в массе своей умнее, кто инициативнее, и те, и другие в подавляющем большинстве своем для науки — отрезанный ломоть, как бы грустно ни было это призна-

вать. Остались те, кто остались, и, перефразируя «отца народов», можно сказать печальникам о судьбах российской науки: других ученых у меня для вас нет.

Формы взаимодействия с научной диаспорой

Гипотетической возможности возвращения на Родину маловато для обоснования благотворности научной эмиграции, поэтому М.Г. Гольдфельд много внимания уделил рассмотрению возможных форм взаимодействия российской научной общественности с научной диаспорой, то есть путем реального участия последней в подъеме российской науки *в настоящее время*.

По непонятной причине М.Г. Гольдфельд исключил из рассмотрения самую многочисленную нашу научную диаспору — израильскую. А ведь отношения с израильской диаспорой, не только научной, могут служить образцом для всех остальных. Прекрасные отношения. Ездим друг к другу в гости, приобретаем новых знакомых и партнеров, обмениваемся опытом, затеваем совместные проекты, приторговываем при случае. И более ничего не надо!

Такой идиллии в немалой степени способствует скученность наших бывших соотечественников, географическая близость к России, близость (как ни странно это некоторым покажется) менталитета и схожие внутривластные проблемы, что весьма способствует взаимопониманию.

Все эти факторы меняют знак или нивелируются в наших отношениях со следующей по численности диаспорой — в США. Но контакты сохраняются, хотя новые завязываются редко. Мы встречаемся с однокурсниками и бывшими коллегами по работе во время наших поездок в Америку или на международных конференциях, они одевают нас опытом, случаются и совместные проекты. К сожалению, мы все меньше понимаем друг друга, в первую очередь это относится к людям, уехавшим в самом конце 80-х—начале 90-х. Уж на что, казалось бы, верная тема для застольной беседы — воспоминания молодости, ан нет, зачастую у нас уже и *воспоминания* разные.

Конечно бывают и приятные исключения. Кстати, М.Г. Гольдфельд является одним из них. Он всегда откликается на просьбу о помощи или содействии, принимает активное участие в деятельности нашего журнала, наша ему благодарность! Можно привести и другие примеры, даже о финансовой помощи из *личных* средств. В частности, Всероссийский Менделеевский конкурс студенческих научных работ по химии* проводится в значительной мере благодаря спонсорской помощи наших коллег из Канады. Пройдя в свое время через систему Менделеевских олимпиад и конкурсов, они сами без просьб с нашей стороны и без громких слов предложили помощь, чтобы не пресеклась эта прекрасная традиция. Очень приятно, как подарки на день рождения.

* Жаль, что М.Г. Гольдфельд не смог присутствовать, например, на последнем таком конкурсе, прошедшем в апреле 2007 г. в Самаре, где с докладами выступили студенты из 20 городов России (университетов и институтов, соответственно, много больше). Полагаю, услышанное и увиденное там заставило бы его если не изменить свое мнение о состоянии российской науки и о российских реалиях, то хотя бы призадуматься.

Формы сотрудничества могут быть разными. К сожалению, многие из них, предлагаемые и обсуждаемые в статье М.Г. Гольдфельда, выглядят утопично.

«Могло бы быть полезным целенаправленное выделение грантов на совместные проекты, в которых участвовали бы представители диаспоры и работающие в России ученые, которые бы финансировались также совместно с зарубежными фондами.» Да не «могло бы быть», а было бы полезным, вот только не дадут зарубежные фонды на это денег. Они действительно дают деньги, но не на развитие российской науки, а на удержание внутри России специалистов бывшего ВПК и на предотвращение, в частности, исхода наших ученых-атомщиков в Иран — новая американская страшилка после иракского оружия массового поражения.

«Соотечественники за рубежом, ставшие авторитетными специалистами в той или иной области науки, ...могли бы быть приглашены в состав ученых советов научных институтов, в редколлегии российских журналов, к соруководству аспирантскими исследованиями, проводимыми в России. При современных средствах коммуникации и транспорта все это не является технически невозможным.» Технически невозможным не является. Вот только мало используется, особенно транспорт — многие наши соотечественники как уехали лет 15 назад в Америку, так больше в России и не появлялись. Как можно принимать реальное участие в работе ученого совета института, не представляя реального положения дел в институте? Только виртуально. В редколлегии журнала надо работать (об этом чуть позже), иначе это приглашение для галочки. Вернее, для солидности, для того иногда и приглашают.

«Во всем мире широко практикуются лекции и семинары ученых, приглашенных из других организаций, часто зарубежных. Не подлежит сомнению, что бывшие российские ученые охотно выступали бы перед коллегами и студентами на родине, и притом порусски. В конце концов, дорога из Лос-Анджелеса в Корнель занимает не менее 8 часов, и люди охотно едут, чтобы рассказать о своей работе, обменяться мнениями. Поехали бы и в Россию — на дорогу ушло бы примерно столько же времени и денег, но не очень-то зовут.» Почему же, зовут, да не очень-то едут. В частности, по материальным соображениям. За счет принимающей стороны во многих случаях поедут, за свой счет — почти никогда. Приятные исключения, конечно, имеются. Их и зовут.

«Будучи уже людьми материально вполне самостоятельными, уверенными в себе и своем будущем, они готовы к выполнению, в том числе, безвозмездному, такой работы как рецензирование рукописей, экспертная оценка грантовых проектов (такого рода работа считается на Западе престижной, знаком признания научного авторитета, и от нее не отказываются).» На Западе не отказываются, но Россия — не Запад, обращение из России можно проигнорировать, научного авторитета такая работа не прибавит. К сожалению, наиболее успешные ученые-эмигранты полностью усваивают американский менталитет (это, как отмечалось выше, две стороны одной медали) и их уже мало трогает что-либо, кроме их карьеры (американской). А если работа еще и безвозмездная — нет, увольте (это если ответят). Забавный пример.

М.Г. Гольдфельд предложил нашему журналу издать специальный номер, посвященный исследованиям, проводимым нашими соотечественниками в США, которых там не одна сотня/тысяча. Мы с готовностью откликнулись, даже стали искать средства для издания. Обычный наш номер включает 15—20 обзорных статей, М.Г. Гольдфельду не удалось получить *согласия* такого количества авторов на написание статей, все ссылались за великую занятость. Конечно, занятость (на нее часто ссылаются и российские ученые), но главное состоит все же в том, что эта статья в *безгонимый российский журнал*, чего ради? Так идея и заглохла.

Но приемлемые формы расширения сотрудничества найти можно. Кто хочет, тот найдет, а кто не хочет, тот найдет множество причин ... далее по тексту. Так и хочется сказать: we are open for collaboration! Только две маленькие просьбы: а) не учите нас жить и не «выражайте озабоченность»; б) не указывайте, пожалуйста, нам, что мы *должны* (must) сделать.

Примером такой *озабоченности* являются сетования о *планах* российского правительства «предусмотреть поэтапное введение бесплатного обучения в аспирантуре или докторантуре *только в случае обязательной занятости в государственном секторе экономики* (курсив М.Г.) в течение 5 лет. Это напоминает уже подзабытое требование советских времен возвращать государству деньги за образование при выезде за рубеж или обязательную отработку по распределению.» Ох, напоминает, но что в этом ужасного? Конечно, если смотреть *оттуда*, то выходит нехорошо, несколько ограничивается практика бесплатной подготовки российскими вузами специалистов для «мировой» науки, когда, по цитируемому М.Г. Гольдфельдом высказыванию министра абсорбции Израиля, «мы получаем профессоров, на подготовку каждого из которых пришлось бы затратить миллион долларов, если бы они проходили обучение в Израиле, по цене авиационного билета». Следует заметить, что наше родное правительство во всех сферах деятельности если что и копирует, то отнюдь не советские образцы, а западные, причем не самые лучшие. Вот и о введении платного обучения заговорили, ссылаясь на передовой западный опыт. Тогда как российская общественность единодушна в требовании *сохранения* бесплатного обучения в государственных образовательных учреждениях *на всех стадиях*, говоря, что Америка, «страна равных возможностей», где обучение платное и хорошо платное, нам не указ. Что же до других западных стран, например, Германии, где обучение в вузах изначально бесплатно, то там тоже существует механизм последующей компенсации стоимости обучения. Так что а) ничего нового, б) ничего ужасного. Если государство затратило средства на подготовку специалиста, оно должно (вот тут — должно!) получить за это компенсацию, например, в виде работы молодого специалиста в государственном же секторе экономики. Если же этот специалист желает перейти в частный сектор экономики или уехать за рубеж, то он *имеет на это право*, вот только пусть либо он, либо приглашающая его фирма компенсируют государству (вузу) стоимость его подготовки. На *наш* взгляд это *справедливо* (основано на русском слове).

С большим интересом узнал я из обсуждаемой статьи о том, что «позволило бы снизить степень недоверия российских ученых за рубежом к официальным совместным программам: исключение искусств-

венных барьеров, таких как непризнание в России ученых степеней, присуждаемых за рубежом, упрощение режима так называемой регистрации (сильно напоминающей советскую прописку), упрощение финансовой отчетности и т.д.»

Честно говоря, ни разу не слышал, чтобы у кого-нибудь из приезжающих (возвращающихся) в Россию были профессиональные проблемы с непризнанием ученых степеней, присуждаемых на Западе. Обратных ситуаций — сколько угодно. Слово М.Г. Гольдфельду: «докторская степень (имеется в виду PhD — Г.Э.) из американского университета котируется выше, чем кандидатский и даже докторский диплом российского образца.»

Что же до так называемой регистрации, то полагаю, что если бы М.Г. Гольдфельд приехал на пару недель в родную Москву, то, немного осмотревшись, он оказался бы в рядах пламенных борцов за максимальное ужесточение этой самой регистрации и доведения ее до уровня советской прописки. И оказался бы, кстати, опять среди меньшинства, потому подавляющее большинство москвичей, равно как и законопослушных приезжих абсолютно равнодушны к этому вопросу и не видят в регистрации никаких проблем.

В заключение вновь о формах сотрудничества. «Привлечение в качестве независимых экспертов и рецензентов — это один и немаловажный способ взаимодействия с научной диаспорой.» О специфических денежно-временных проблемах, связанных с таким привлечением, см. выше. Есть и еще один момент. Я рад за Китай, который имеет возможность привлекать китайских специалистов, живущих и работающих в США, для экспертизы своих проектов, потому что для китайцев, даже живущих и работающих в США, на первом месте при такой экспертизе Китай и его собственные нужды, их мнению можно *доверять*. К сожалению, для наших ученых-эмигрантов на первом месте интересы абстрактной мировой науки и при экспертизе проектов они будут руководствоваться ими, забывая, что у российской науки есть и другие проблемы, кроме, например, глобального потепления (в центральных областях России на майские праздники шел снег) и лечения болезни Альцгеймера (мы не доживаем).

И тем не менее — we are open for collaboration!

Так зло или благо?

Ответ в свете написанного очевиден. Хотя зло — слишком высокая категория для рассматриваемого явления. Неблаго — так, на мой взгляд, будет точнее.

И сакраментальный вопрос: что делать-то? Не с эмиграцией, с ней, как отмечалось выше, ничего делать не надо, работают — и дай им Бог! Что нам делать с отечественной наукой? Это отдельный вопрос, выходящий за рамки настоящей и оппонируемой статей, поэтому затронем лишь те моменты, которые упоминаются в последней.

Парфразируя другого «гения всех времен», Наполеона, можно было бы сказать, что для возрождения российской науки необходимы три вещи: деньги, деньги и деньги. Но, во-первых, это тривиально, во-вторых, неправильно, потому что проблема намного сложнее. Но все же о деньгах. «В конце концов, страна, не знающая, куда девать средства от реализации углеводородного сырья, укрепляющая западную эко-

номику путем хранения своего «стабилизационного» фонда в зарубежных банках, может отвести небольшой ручеек средств на поддержку перспективных исследований.» (М.Г. Гольдфельд). Небольшой ручеек дела не решит, хотя и он лишним не будет. И Государственная программа в духе «национальных проектов» не решит. Необходимо изменение идеологии правящей элиты и всего вектора государственной политики, но обсуждать это в нынешних условиях — разговор в пользу бедных.

Одним из главных пугал в статье М.Г. Гольдфельда является фигура администратора. Выходит, что многие эмигранты и дальше продолжали бы с радостью работать на Родине, да вот администраторы допекли. Могли и могут, слов нет, но без администраторов не обходится ни одна система, даже и западная. В советские времена фрондирующая интеллигенция кляла администраторов — партийных выдвиженцев. Но позволю себе напомнить тем, кто уехал в самом начале 90-х, что КПСС давно уже нет, а «Единая Россия» по своей роли и близко к ней не стоит. Так откуда администраторы, везде, кстати, сменившиеся с тех времен? С Луны они к нам сваливаются? Нет, в науке они выходят из той же научной среды, это бывшие коллеги эмигрантов. И если они так уж плохи, то почему вы, так болеющие на словах о судьбах отечественной науки, уехав, отдали им ее на откуп? Более того, многие из уехавших сами занимали административные посты, так почему же они не передали их в достойные руки? Или было уже все равно?

На самом деле, не все современные российские научные администраторы плохи, а некоторые так и хороши. Сумели как-то удержать свои институты на плаву в кошмарные 90-е, ныне же некоторые научные центры функционируют не хуже, а даже лучше, чем в советские времена, при том что их государственное финансирование смехотворно по американским меркам. М.Г. Гольдфельд добром упомянул Институт теоретической и экспериментальной биофизики в Пушкино из-за его активного сотрудничества с диаспорой, можно привести и другие примеры: Институт катализа РАН (г. Новосибирск), Институт молекулярной биологии РАН (г. Москва), Институт общей и неорганической химии РАН (г. Москва), alma mater МГУ, если уж на то пошло, и другие. Как показывает опыт, ключевую роль в успешном функционировании этих институтов играет именно администрация или, если угодно, менеджмент. Если они работают не только на свой карман, но и на благо института, ищут новые источники финансирования, приобретают оборудование, реально участвуют в различных международных проектах, а не только ездят на конференции за границу, платят сотрудникам достойную зарплату, то и возглавляемые ими институты работают в целом весьма успешно в научном плане. Сколько в России примеров того, как два института, учреждения или предприятия, находившиеся вначале в одинаковом положении, по прошествии 10 лет представляют разительный контраст, в одном жизнь кипит, другой в полном упадке.

Работать надо, вот и весь секрет. Не плакаться, не стенать, не жалиться, а работать, засучив рукава. Никто не создаст нам *более благоприятных условий*, кроме нас самих. И ведь создадим. Не впервой!